

По окончании изучения основного лекционного курса рекомендуется провести закрепление и контроль знаний с помощью тестовых заданий, которые выполнены в тестовой среде ADSoft_Tester.

Бібліаграфічны спісак

1. Яновский, О. А. Электронные учебные издания: итоги 30-летнего межкафедрального сотрудничества на историческом факультете Белорусского государственного университета / О. А. Яновский, Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеевкова // Информационный бюллетень Ассоциации «Истории и компьютер». № 42. Октябрь 2014 г. Москва, 2014. — С. 214—221.
2. Балыкина, Е. Н. Электронное средство обучения «Кірмашы Беларусі» / Е. Н. Балыкина, И. Л. Грибко / Дорожная карта информатизации: от цели к результату: тез. докл. открытой Междунар. науч. — практ. конф., г. Минск, 20—22 нояб. 2013 г. / гл. ред. Т. И. Мороз. — Минск: МГИРО, 2013. С. 41—43.
3. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 г. // Официальный интернет-портал Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2012. — Режим доступа <http://www.edu.gov.by/sm.aspx?guid=437693>. — Дата доступа: 15.10.2017.
4. Электронное обучение в XXI веке. Концепция информатизации Белорусского государственного университета на период до 2018 года / С. В. Абламейко [и др.] // Вестник БГУ. Сер. 1. — 2013. — № 2. — С. 3—14.
5. История России. XX век. Учебное пособие / О. А. Яновский, С. В. Позняк, В. И. Меньковский [и др.]; под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского — Мн.: РИВШ, 2005. — 704 с.

Гернович Татьяна Дмитриевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АРХИВНОГО ПРАВА В 20-Х ГОДАХ XX В.

В начале XX в. А. Фиркандт в своей работе «Механизм культурных изменений» (1908) предположил, что основным условием изменений в культуре является состояние катастрофы [1]. Эта мысль была с энтузиазмом подхвачена и развита в трудах социологов, культурологов, философов, историков и др. Возникнув первоначально как теория кризиса европейской культуры (О. Шпенглер, Г. Зиммель, Т. Лессинг, А. Вебер, Й. Хейзинга, А. Тойнби, Э. Гуссерль, П. Сорокин, А. Швейцер, А. Онеггер, М. Вебер), как теория антропологического кризиса (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, К. Манхейм, Р. Гвардини, М. Бубер, Э. Мунье, П. Тиллих), кризиса буржуазно-индивидуалистической цивилизации (Э. Юнг, П. Тиллих), кризиса власти (К. Поппер, Ф. А. Хайек), она сформировалась в итоге в отдельное направление — «философию кризиса».

В настоящее время кризис рассматривается как кульминационная точка патологического развития общества. В этом состоянии происходит разрушение нормальных образцов взаимодействия отдельных элементов [2]. Как отмечает российский исследователь О. М. Штомпель, если рассматривать общество как систему институализированных практик, то кризис — это непрерывный процесс деконвенционализации и возникновения новых конвенций. Таким

образом кризис является необходимым и закономерным этапом в развитии. Системы находятся постоянно в процессе разрушения и обретения идентичности, дестабилизации и достижения нового уровня стабильности, архаизации и обновления, рассогласования и гармонизации социального и культурного миров [3].

Архивы, как неотъемлемая часть культуры и общества, в XIX — нач. XXI вв. также пережили ряд кризисов. Трансформация государственного устройства, становление гражданского общества, политические изменения государственных границ, военные конфликты напрямую воздействовали на архивные учреждения. В результате преодоления кризисных состояний, архивы приобрели новое значение для общества. Процесс изменения архивной отрасли сопровождался выработкой нормативных правовых актов. Характерной чертой архивного законодательства, возникающего в момент социокультурных кризисов, является его стабилизационный характер. Законы об архивах использовались государством в качестве метода антикризисного управления и фиксировали новые институты и практики, которые создавались для гармонизации системы.

Среди основных причин, которые обусловили кризисное состояние можно назвать: Революции; Войны; Изменение формы государственного устройства, распад многонациональных государств; Изменение политического режима, идеологии, падение тоталитарных режимов.

В результате преодоления вышеназванных кризисных явлений возникала новая система архивного устройства с соответствующим законодательным оформлением.

Одним из наиболее ярких примеров архивного закона, рожденного революцией является Декрет 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Этот законодательный акт создавался, в условиях социокультурного кризиса и базировался на идее централизации. В течении долгого времени он понимался как отправная точка в создании новой системы архивного устройства.

Революция в России не создала большого количества предшествующих законодательных актов об устройстве архивов. Первые положения, которые легли в основу Декрета, были сформулированы в виде докладной записки наркома просвещения А. В. Луначарского о принятии мер к охране архивов и библиотек, которая была адресована в Совнарком в апреле 1918 г. Ее содержание основывалось на предыдущих проектах архивной реформы, разработанных Союзом архивных деятелей во главе с академиком А. С. Лаппо-Данилевским. Будущий начальник Главного управления архивным делом при Наркомпросе РСФСР Д. Б. Рязанов, выступая с докладом на заседании СНК 26 апреля 1918 г., представил их в виде первого проекта нормативного акта.

Обсуждение проекта Д. Б. Рязанова, которое состоялось в Наркомпросе 27—28 мая свидетельствует о том, что в 1918 г. в органах управления еще не оформилось представление о системе архивных учреждений. Не было однозначного понимания ни подчинения отрасли, ни доступа к архивным документам, ни сроков передачи документов на постоянное хранение.

Основной проблемой, которую пытались решить путем издания нормативного акта, был вопрос сохранения фондов центральных органов управления, хранящихся в Москве и Петрограде. В России масштаб уничтожений

документов не был велик. Как отмечает Е. В. Старостин это было связано с отсутствием письменной правовой культуры в отношениях крестьян и помещиков. В первую очередь уничтожению подвергались архивы жандармерий и охранных отделений, которые могли бы служить доказательством для обвинительных процессов провокаторов, шпионов и осведомителей. Новым властям архивные документы представлялись ненужным хламом, который можно использовать для иных нужд. Наибольший ущерб архивам нанесла не Революция, а компании по переработке и утилизации бумаги.

Документы, хранящиеся в архивах, не нужны были новой власти для перераспределения земельной собственности. «Декрет о земле», принятый в 1917 г., однозначно утверждал, что «...Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема...».

Первым решением, принятым в процессе обсуждения проекта Д. Б. Рязанова, стало подчинение архивной отрасли Наркомпросу и исключению вопроса о доступе к документам из текста декрета. Для новой власти архивы представлялись исключительно как комплексы документов, необходимые для выполнения административных функций и развития государственной идеологии. Включение архивов в структуру Наркомпроса, ведомства, которое определяло государственную политику в сфере науки, образования и культуры, должно было способствовать идеологической борьбе и построению социализма.

Окончательное оформление проект получил в виде двух нормативных актов: Декрета и Положения «О Главном управлении архивным делом», которые были рассмотрены на заседании комиссии при СНК 1 июня 1918 г. В результате их рассмотрения вечером В. И. Ленин подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» из 12 пунктов. В п. 10 Декрета было зафиксировано, что «Положение о Главном управлении архивным делом и подведомственных ему областных управлений будет издано дополнительно».

В советской историографии текст декрета, обстоятельства его создания и публикации получили достаточно комплексное и всестороннее рассмотрение. В 30—40-е годы была обоснована концепция декрета как основополагающего акта для архивного строительства в СССР.

Основными положениями, на которых базировалась новая архивная система были: 1) идея Единого государственного архивного фонда, 2) национализация неправительственных архивов, 3) создание централизованной архивной службы и 4) использование архивов в качестве инструмента построения государственной идеологии [4; 5].

С конца 80-х годов в трудах С. О. Шмидта, Е. В. Старостина, Т. И. Хорхординой и др. оформляется новый критический подход, в соответствии с которым формирование советской архивной системы базировалось не на первоначальном тексте декрета, а на созданных, в соответствии с политической конъюнктурой, позднейших его трактовках [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Так, один из центральных терминов первоначального текста Декрета «единый Государственный архивный фонд» был в последующие годы заменен «Единым государственным архивным фондом». Такая замена вполне соответствовала стремлению новой власти к подчинению и ограничению автономии

на местах. Как отмечал Е. В. Старостин «Аббревиатура ЕГАФ, которой стали пользоваться в документах, отвечала претензиям архивного главка на расширение границ ГАФ до масштаба всей страны» [15].

Другой стороной «нового прочтения» являлось право отдельных ведомств не передавать Главному архивному управлению документы, еще не вышедшие из практического использования. В 1939 г. С. Н. Валк, проводя текстологическое исследование Декрета, обратил внимание на расхождение в третьей статье во фразе «...дела, не утратившие значение для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, но поступают в ведение и распоряжение Главного Управления архивным делом» текста подлинника и его публикации. В официальном тексте, опубликованном в «Известиях», было напечатано «не поступают», что кардинально меняло смысл статьи [16]. Выявленные Е. В. Старостиным документы убедительно доказывают, что это расхождение между оригиналом документа и его публикацией — не опечатка, а сознательная редакция, сделанная В. И. Лениным после встречи с наркомом иностранных дел Г. В. Чичерным на следующий день после подписания декрета.

Рассматривая значение Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР через призму социокультурного кризиса нельзя не отметить целый ряд особенностей. Кризис, который сопровождался изменением политической системы и идеологических установок в РСФСР, для архивной отрасли совпал с кризисом архивной системы. Не случайным является то обстоятельство, что идея необходимости создания единого органа управления архивами была сформулирована еще в дореволюционное время. Революция обострила проблему сохранности архивных документов, тем самым ускорив процесс объединения архивных фондов в крупные централизованные комплексы. Создание Главархива было продиктовано в первую очередь необходимостью координации усилий по передаче архивов бывших царских учреждений, церкви и частных лиц под контроль новых органов власти.

Ошибочным является представление о повсеместном распространении Декрета 1 июня 1918 г. сразу же после его подписания. Принцип федерализма, заложенный в первой Конституции РСФСР обеспечивал возможность самостоятельного законодательного регулирования в регионах. Власть, которая укрепилась в центре, еще не имела достаточного влияния на политику проводимую на местах. Усиления влияния Центра на регионы происходит в течении 20-х и 30-х годов XX в. С усилением влияния центральных органов на регулирование архивной отрасли в республиках происходит изменение в трактовке понятия «централизация»: взамен объединения фондов в крупные комплексы, появляется идея общего подчинения единому союзному центру.

В Беларуси на момент принятия 1 июня 1918 г. Декрета о реорганизации и централизации архивов в РСФСР сложилась сложная геополитическая обстановка. Часть территории Беларуси была оккупирована немецкими войсками, на части территории действовали распоряжения Областного исполнительного комитета Советов Западной области и фронта. 25 марта 1918 г. была провозглашена Белорусская Народная Республика, которая, до передачи немцами 10 декабря 1918 г. г. Минска советским властям, издавала распоряжения на территории оккупированной немцами. До 1 января 1919 г., когда была образована ССРБ (в г. Смоленске) и создано Временное рабоче-крестьянское

Советское правительство Беларуси, территория Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний оставались областью в составе РСФСР.

Несмотря на издание 1 июля 1918 г. Постановления президиума областного исполкома Советов Западной области и фронта об организации архивного дела, который должен был распространить действия Декрета 1918 г., довольно сложно утверждать, что он реализовывался на практике. В равной степени декларативный характер имел и Декрет Совета народных комиссаров СССР от 13 марта 1919 г. О централизации архивного дела.

Первым учреждением, которое должно было начать проводить мероприятия по учету и регистрации архивных фондов был Комиссариат просвещения (Компрос) Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии. Однако не смотря на издание декрета 30 января 1919 г. «О передаче культурных ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и разных учреждениях Комиссариату по просвещению и об организации их учета, охраны и собирания», Минский губернский военный революционный комитет отмечал, что прием, учет и регистрация не проводятся в установленном порядке.

Нормативной основой для реализации положений Декрета в областях стало Положение Совнаркома РСФСР О губернских архивных фондах от 31 марта 1919 г. Фактически только с этого момента, когда на территории Беларуси в августе 1919 г. были созданы губернские областные управления Витебска и Могилева, можно говорить о первых попытках создания органов архивного управления.

В Минске работа по организации архивов проводилась в Архивной секции, созданной 15 апреля 1920 г. при подотделе охраны памятников старины и искусства отдела искусства Наркомпросвещения БССР. Сохранившиеся докладные записки М. П. Шкляева, который выполнял обязанности заведующего охраной архивов, представляют собой яркий источник, позволяющий судить о том каким образом организовывались первые архивы в Минске.

Первоначально основной задачей являлось принятие на учет архивов бывших учреждений (архив б.Казенной палаты и Губернского правления) и обеспечение их сохранности. Это было достаточно сложно, так как не всегда новые учреждения, занявшие здания, в которых хранились архивы, были согласны на их размещение. Так, архив Губернского правления был вынесен из здания и помещен в два каменных сарая, один из которых требовала освободить типография Революционного комитета. Понимая, что сарай не является подходящим местом для хранения архивных документов, за неимением других вариантов, М. П. Шкляев просит денег у руководства на доски, гвозди и оплату рабочим за заколачивание окон сарая для того, чтобы архив смог хоть как-то перезимовать.

Следующая проблема, с которой столкнулся заведующий минскими архивами был Центрутиль ВСНХ. В декабре 1920 г. президиум СНХ БССР неоднократно направлял в Наркомпрос требования о выделении «архивных бумаг» для нужд бумажной промышленности. В ответном письме М. П. Шкляев не только отрицает возможность выделения документов, но и разъясняет Центрутилю, что «...на подотдел охраны памятников Наркомпроса возлагается не только внешнее сохранение всех существующих архивов от уничтожения, но напротив, объединение их в Центральный архив Белоруссии и открытие его для научной работы. При таких обстоятельствах следует раз и навсегда

отказаться от мысли, что архив может быть источником какой-либо другой утилизации его бумаги, кроме научной. Они должны быть абсолютно неприкосновенны ни для кого...» [17]. Сама эта ситуация кроме всего прочего свидетельствует о том, что положения Декрета 1918 г. не применялись на практике. Ни Центрутил, ни М. П. Шкляев не ссылаются ни на понятие Государственный архивный фонд, не обращаются к Главархиву в содействии решения вопроса. Единственным понятием, соотносящимся с текстом Декрета 1918 г., является «Центральный архив Белоруссии», что вполне соответствует выводам Е. В. Старостина о том, что централизация в тексте Декрета первоначально понималась исключительно в виде объединения бывших ведомственных фондов в крупные хранилища.

Тем не менее эта битва за архивы была М. П. Шкляевым проиграна, потому что несмотря на неоднократные отказы в выделении из архива бумаги для переработки и письма в Совнарком Белоруссии «...о недостаточном понимании в некоторых учреждениях сознания ценностей для культуры сохранения архивов...», была организована специальная комиссия, которая в мае 1921 г. отправила 951 пуд архивной бумаги на писчебумажную фабрику в Новоборисове «Папирус» [18]. И это был не единственный случай, когда документы архива отправлялись на переработку [19]. Пытаясь минимизировать последствия для сохранности архивных документов, в документе, который был озаглавлен как Смета по организации Главного архива Белоруссии в Минске и объяснительная записка к ней, М. П. Шкляев предлагает разделить все архивное имущество на подлежащее дальнейшему хранению в виду его исторической ценности и подлежащее выдаче по требованию различных правительственных учреждений на предмет утилизации благодаря его случайному в архиве появлению [20].

Однако, единственным спасением архивов могло стать издание нормативного акта, запрещающего уничтожение документов. Понимая это, М. П. Шкляев подготовил в январе 1921 г. проект Декрета об охране архивных материалов на территории ССРБ. В соответствии с проектом местные отделы народного образования должны были до 15 марта 1921 г. взять на учет, опечатать и сообщить информацию об имеющихся архивных комплексах, в Наркомпрос. Так же был подготовлен проект аналогичного постановления по Накомпросу [21].

Интересным представляется также и проект Шкляева об организации главного архива Белоруссии, который был оформлен в виде докладной записки. По его мнению, основной целью создания главного архива являлось: во-первых, объединение архивов для лучшего их сохранения и во-вторых, предоставление возможности научным силам для разработки истории края. В проекте предусматривалось выделение для архива отдельного здания (например, бывшего воинского начальника). При систематизации фондов предлагалось использовать следующую классификацию: 1. Отделение внутренних дел (архив Губернского правления), 2. Судебных, 3. Финансовых, 4. Церковных, 5. Местного дворянства и других сословий. 6. Учебных заведений, 7. Военный, железнодорожный и др. Каждое отделение должно было иметь своего заведующего. Общее руководство Главархивом возлагалось на директора, помощника и секретаря, при них должна была действовать общая канцелярия. В архиве предполагалось оборудовать библиотеку, читальный зал, переплетную мастерскую. В штате планировалось 12 постоянных сотрудников и 4 разъездных [22].

Нам представляется не случайным то обстоятельство, что в докладной записке Шкляев для обозначения создаваемого учреждения использует название «Главархив». Этот термин и деление на секции скорее всего было предложено под влиянием Декрета 1918 г. и построения архивного дела в РСФСР. Однако, тот факт, что Шкляев не затрагивает вопрос подчинения архивным органам РСФСР, однозначно свидетельствует о формировании архивов в БССР по самостоятельному принципу.

Несмотря на то, что проект М. П. Шкляева не был принят, однако он лег в основу постановления СНК БССР об учете и сохранении архивных материалов от 23 января 1921 г.

Первые упоминания о нормативных документах, принятых в РСФСР, в работе архивных органов БССР, встречаются с конца 1921 г. Так, 23 декабря 1921 г. в губернские архивы был разослан циркуляр Главархива РСФСР за подписью В. Адоратского и В. Пичеты о невыдаче архивных документов без разрешения Главархива [23]. В распоряжении ВЦИК всем губисполкомам и облизполкомам РСФСР о недопустимости выделения архивных документов для переработки, изданном в июне 1922 г., в качестве нормативного основания приводится ссылка на Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР [24].

Отношения между Главархивом и архивными учреждениями автономных республик регулировались Постановлением Президиума ВЦИК от 14 июля 1921 г. В соответствии с ним, в автономных республиках учреждались центральные Управления архивным делом, администрация которых назначалась местной правительственной властью. В вопросах же технического управления архивами, администрация архивов подчинялась инструкциям и указаниям Главного архивного управления [25].

Принятые 4 августа 1922 г. Постановление Президиума ЦИК БССР «Об архиве» и 12 сентября 1922 г. Постановление Президиума ЦИК БССР «Об утверждении положения о Центральном архиве Белоруссии и сметы расходов» окончательно закрепили на законодательном уровне создание архивной отрасли в БССР на самостоятельной основе. Вопрос подчинения республиканских органов центральным органам архивного управления решался в этих документах в соответствии с принципом федерализма. На практике в 20-е годы также мы можем говорить о стремлении Центрархива БССР к большой доли самостоятельности в решении вопросов архивного устройства.

Переломным моментом в вопросах подчинения следует считать принятие Положения об архивном управлении РСФСР 1929 г., в соответствии с которым было создано Центральное архивное управление (ЦАУ) при ВЦИК.

Довольно интересной представляется позиция заместителя руководителя Центрархива БССР М. Ф. Мелешки о нецелесообразности создания органа архивного управления союзного значения. В отчете о командировке в г. Москва в связи с рассмотрением проекта о ЦАУ СССР в апреле 1925 г. он отмечал, «...создание Центрархива СССР в соответствии с предложенным проектом, с очень громоздким и дорогостоящим аппаратом не требуется в соответствии с современным устройством архивов на территории СССР, а наоборот, с созданием Центрархива СССР прекратиться всякая централизация архивных материалов в Союзных Республиках и вызовет массовое непонимание в распределение материалов...» [26].

С изданием положения о ЦАУ в 1929 г. была ликвидирована самостоятельная архивная система БССР. Наравне с другими республиками она была включена в единую архивную систему СССР. Несмотря на дискуссии при рассмотрении проекта о ЦАУ СССР, и сомнения в его целесообразности, Положение 1929 г. окончательно утвердило понимание «централизации» как зависимости от Центра.

Таким образом, можно отметить, что ситуации социокультурного кризиса влекут за собой изменения, которые в архивной отрасли сопровождаются созданием новых законов об архивах. Законы, созданные в результате революционных изменений, являются декларативными в момент своего создания. Революция создает ситуацию, когда возможно заявить об изменениях, но невозможно их реализовать на практике. Реализация революционных законов об архивах происходит в ситуации стабилизации системы и усиления влияния государственного аппарата на общество. С усилением государственного аппарата возрастает стремление к централизации архивной отрасли.

Бібліаграфічны спісак

1. Фиркант, А. Механизм культурных изменений (вступ. статья В. П. Култыгина, пер. Н. А. Харитоновой) / А. Фиркант // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том IX. 2017. Теория культуры и жизненный мир человека / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; Под редакцией Ю. М. Резника. — М., 2017. — С. 83—99.
2. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология / А. П. Назаретян. — М.: Per Se, 2001.
3. Штомпель, О. М. Социокультурный кризис: Теория и методология исследования проблемы: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. — Ростов-на-Дону, 1999. — 320 с.
4. Митяев, К. Г. Ленинский декрет 1 июня 1918 г. и советское архивоведение / К. Г. Митяев // Советские архивы. — 1968. — № 3. — С. 9—15;
5. Пшеничный, А. П. О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» / А. П. Пшеничный // Советские архивы. — 1987. — № 6. — С. 16—23.
6. Хорхордина, Т. И. История и архивы / Т. И. Хорхордина — М., 1994. — 360 с.
7. Шмидт, С. О. О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации / С. О. Шмидт // Отечественные архивы. — 2008. — № 6. — С. 134—137;
8. Старостин, Е. В. Декрет об архивном деле 1918 г. / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина // Вопросы истории. — 1991. — № 7—8. — С. 41—52;
9. Кузьмин, Е. И., Селезнев М. С. О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. / Е. И. Кузьмин, М. С. Селезнев // Советские архивы. — 1989. — № 5. — С. 39;
10. Автократов, В. Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) / В. Н. Автократов // Отечественные архивы. — 1993. — № 3. — С. 9—35; № 4. — С. 3—27;
11. Старостин, Е. В. К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» / Е. В. Старостин, А. С. Прокопенко // Отечественные архивы. — 1998. — № 2. — С. 31—34;
12. Банасюкевич, В. Д., Старостин Е. В. Глядя in medias res декрета об архивном деле 1918 г. // Отечественные архивы. — 2008. — № 2. — С. 21—25;
13. Елпатьевский А. В. Еще раз о декрете от 1 июня 1918 г. / В. Д. Банасюкевич, Е. В. Старостин. // Отечественные архивы. — 2008. — № 2. — С. 26—27;

14. Акимов, С. В. Последние шаги к архивной реформе 1918 г. (Проекты Е. Н. Квашнина-Самарина, А. И. Лебедева, К. Я. Здравомыслова, Н. В. Голицына, Ф. А. Нинева) / С. В. Акимов // Отечественные архивы. — 2001. — № 5. — С. 24—32.
15. Старостин, Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. — арх. ин-т. — М.: Информ. — изд. агентство «Рус. мир», 1997. — С. 141.
16. Валк, С.Н. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания / С. Н. Валк // Архивное дело. — 1939. — № 3(51). — С. 1—22.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.10.
18. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.27—30об., 33, 40—42об.
19. Клепиков, Н. Е. Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х — начала 1930-х гг./ Н. Е. Клепиков // Отечественные архивы. — 2009. — № 3. — С. 14—20.
20. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.13.
21. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.31—31об, 45—45об.
22. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.1. Л.11—12об..
23. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.3. Л. 7.
24. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.2. Л. 3.
25. Известия ВЦИК № 170/1313 от 4 августа 1921 г.;
26. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.2. Л. 36—36об.
27. НАРБ. — Ф.6. Оп.1. Д.526. Л.5—12.

Ковалева Лариса Аркадьевна

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

СОЗДАНИЕ БНР В ОЦЕНКАХ Н. С. СТАШКЕВИЧА

Среди основных приоритетов в научной деятельности Н. С. Сташкевича были общественные движения в Белоруссии, основные идейные течения и деятельность политических партий, но, пожалуй, особое внимание он уделял проблемам становления белорусской государственности в XX веке. Значительное количество его работ посвящены деятельности БНР и БССР. Среди них «Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917—1925 гг.)», «Неизбежное банкротство: Из истории политического краха националистических партий в Белоруссии», «Почему не состоялась БНР? Из истории политического банкротства националистической контрреволюции в Белоруссии (1918—1925 гг.)», «Тернистый путь к свободе (к вопросу о становлении белорусской национальной государственности)» и т. д.

Ученый в своих работах использовал широкий круг источников, которые дают целостное представление о деятельности политических партий в Белоруссии, характеризуют развитие межпартийных отношений на различных этапах исторического процесса. В каждом конкретном случае выбор документов определялся целью и задачами той или иной публикации автора.

В фондах Центрального государственного архива Литовской ССР (ЦГА Лит. ССР), он выявил переписку лидеров белорусских политических партий и организаций с правительствами стран Антанты, Литвы, Латвии, Эстонии, Германии и Финляндии, а также материалы представительства Рады БНР